

Искра

Прошла всего пара дней с праздника Драконьих лодок, но волнения в Яотине после чудовищных событий бурлили вовсе не ужасом и страхом. Напротив, все горожане восхваляли главу гильдии, который даже вышел из своей глубокой медитации, чтобы спасти их от чудовища. С его статуи были сняты темные ткани, а в тавернах вновь зазвучали песни, славящие главу города.

Дун Чжунши, хоть и светился от удовольствия, все же не приписал победу себе одному. Тут и там он говорил, что без помощи главного корабля вряд ли бы одолел зверя, который мог сорваться в любой момент. Но такая скромность, наоборот, побудила народ на еще большие восхваления. Всё же люди были простыми: кто нанес последний удар, убив монстра, тот и был в их глазах героем. Даже маленькая Ма Жуши, высунув язычок, то и дело рисовала главу гильдии в сияющих золотом одеждах и с огромным мечом, тщательно выводя карпов на его одеяниях. Шуя Ганъюн, видя это, хоть и ярился внутри, но вслух хвалил девочку за старания. Даже он проникся уважением к главе города, позволив песням в его честь звучать в своей таверне, хотя раньше это было строжайше запрещено.

Лю Синь и Тан Цзэмин и вовсе отмахивались, говоря, что ничего особенного не сделали, но друзья постоянно просили их рассказать о событиях на реке Лиюй, раз они оказались в самой гуще хаоса. Так родилась еще пара городских баек, приукрашенных шутками и выдумками, — не признаваться же, в каком страхе пребывали все в тот момент. Вопреки пережитому ужасу и атаке огромного зверя, никто не погиб; несколько раненых — но и только.

Лю Синю и самому не верилось, что они пережили это бедствие. Перед глазами до сих пор стояло змеевидное рогатое тело, возвышающееся посреди реки между трех кораблей. Огромный монстр рычал, заглушая людские крики, пока волны набрасывались на палубы и сметали все на своем пути. Яркие краски праздника сменились хаосом и паникой за считанные мгновения. Никто и среагировать не успел, когда один из кораблей накренился и пошел ко дну от мощного удара в борт.

— Да это ж охренеть можно! — выкрикнул Го Тайцюн, расплескивая вино, отчего Тан Цзэмин поморщился и стряхнул капли с рукава. — И как давно та тварь находилась в реке? Там же постоянно дети возились! С ума сойти! — С этими словами он повернулся к Сы Мянью: — Дорогая, когда у нас будут дети, я не подпущу их к воде ни на шаг!

Девушка тут же надулась и хлопнула его по плечу, заливаясь румянцем:

— Дурак. Какие еще дети...

— И то верно, какие тебе дети, ты сам еще ребенок, — рассмеялся Шуя Ганьюн и рукой накрыл ладонь сидящей рядом Ма Цайтянь. Все засмеялись под выкрики Го Тайцюна, который пытался через стол дотянуться до друга и придушить его.

Лю Синь отпил легкое цветочное вино, с улыбкой оглядываясь по сторонам. Таверна Шуя Ганьюна за эти дни преобразилась для летнего сезона, и не только в блюдах и выпивке. На втором этаже был открыт летний зал, на балконе которого и расположились сейчас все друзья, пока отец Сы Мянью следил за порядком внизу.

Лу, который был доволен жизнью как никогда, подносил им новые блюда и опять скрывался на кухне, чтобы приготовить очередную порцию сладких закусок. Толстячок непрестанно создавал новые кулинарные шедевры, которые собирали толпы гостей. Вскоре после его прихода «Хмельной соболь» перестал быть сборищем местных выпивох и все больше походил на самый настоящий ресторан. Чтобы попробовать блюда местного повара, люди стягивались со всех уголков Яотина. Поговаривали даже, что приезжали и из соседних городов. Золото текло рекой, и улыбка не покидала лица Шуя Ганьюна.

Поблагодарив Лу за очередное угощение и проводив его взглядом, Лю Синь пошутил:

— Ты должен доплачивать мне за то, что я привел в твое заведение настоящую золотую жилу.

Услышав, что ему придется раскошелиться, Шуя Ганъюн сильно закашлялся и пододвинул к себе блюдо с запеченными фруктами, залитыми сладким соусом. Приподняв палочками кусочек, он прищурился и некоторое время рассматривал его со всех сторон под скептическими взглядами друзей. И вдруг глаза его заблестели.

— Смотри! — перегнулся он через стол и сунул кусок яблока Лю Синю. — Видишь горелое пятно?! А если бы этот кусочек попался кому-то из гостей? Ты хоть знаешь, какой это урон моей репутации!

Сев на место и закинув сладость в рот, Шуя Ганъюн прожевал и прикрыл глаза, складывая руки на груди:

— Это ты должен доплатить мне за то, что я принял такого никудышного повара в свою таверну.

— Хозяин!.. — воскликнул рядом Лу, который только что вернулся с кухни, неся новую порцию закусок.

Лю Синь рассмеялся, прикрывая ладонью лицо. Шуя Ганъюн закатил глаза, похлопывая по плечу плачущего повара, который снова принял его за жилетку. Тан Цзэмин хмыкнул и вернулся к прерванному занятию. Сидя рядом с Лю Синем и подперев рукой голову, он дразнил Ма Жуши поднятым вверх танхулу, пока девочка подпрыгивала, пытаясь дотянуться до сладости.

Ма Цайтянь вдруг сказала, прерывая гвалт за столом:

— Лю Синь, как там то дело с книгой истории Яотина?

Юноша прикрыл глаза и покачал головой. В тот день Дянь Цыжэнь пострадала и до сих пор находилась за закрытыми дверями. Лекари говорили, что простуда, подхваченная из-за падения в реку, сойдет на нет только через несколько дней. А до тех пор любые визиты к ней исключены.

Лю Синь устало потер висок. Ждать больше нельзя. Через два дня у него назначена встреча с Дун Чжунши, на которой он поделится всем, что ему известно, а затем вместе с Тан Цзэмином покинет Яотин. От этих мыслей стало горестно, как и всегда. Но Лю Синь быстро прогнал их и с улыбкой посмотрел на друзей. В конце концов, что ему мешает иногда навещать их? Пусть пройдет время до этого, но ведь обязательно расставаться навсегда. К тому же с помощью переписки

можно будет поддерживать связь, не теряя друг друга в этой огромной империи. Только это и успокаивало его тревогу.

Отвечая на вопрос Ма Цайтянь, Лю Синь сказал:

— Госпожа Дянь не успела дать ответ по поводу книги. Я не знаю...

Ма Цайтянь лукаво улыбнулась, постукивая ногтем по столу, а затем обронила словно невзначай:

— Я знаю, где она находится. — Все друзья притихли, глядя на нее. — Такая книга может быть только в одном месте — в управлении стражников, где расположен главный архив.

— Действительно, где еще ей быть, если не в самом защищенном месте города, которое кишит охраной, — усмехнулся Тан Цзэмин и вдруг заметил, что прыгающая девочка куда-то пропала. Отглянувшись по сторонам, он хмыкнул и положил засахаренные фрукты на палочке рядом.

Над столом некоторое время висела тишина, которую нарушил Шуя Ганъюн, со стуком опрокидывая чарку.

— Хватай свою пипу, бродяга! Пора навестить управление, — вскинул он бровь, загадочно ухмыляясь.

Лю Синь рассмеялся, как и все друзья, кроме Го Тайцюна, который с грустью выдохнул:

— Жаль, что мои записи сгорели вместе с домом. Все техники, которые переписал для меня Лю Синь, и план здания управления... получится ли снова пробраться туда, не наткнувшись на патрули?

Все за столом призадумались. В прошлый раз на создание схемы зданий и караулов стражников потребовалось полмесяца, прежде чем они впервые проникли в управление. Дежуря по очереди и собирая сведения по крупницам, они вели записи посменно. Нельзя было соваться туда вслепую. Столь серьезное нарушение порядка даже в мирном Яотине каралось несколькими годами лишения свободы или вовсе казнью, если преступника поймают рядом с архивом.

Заметив хмурые задумчивые лица друзей, Сы Мяннь нервно поерзала на стуле и робко произнесла:

— На самом деле... — Увидев, что все взгляды обратились на нее, она занервничала еще больше и отпила вина. — Я сохранила те записи.

— А'Мяннь! — с упреком воскликнул Го Тайцюн. — Почему ты молчала? Если бы у меня был доступ к полигону и я продолжал

тренироваться и наблюдать за стражниками, то прошел бы отбор и стал одним из них!

— Вот поэтому и молчала! — ответила Сы Мянью и влажными глазами посмотрела на жениха. — Сколько стражников погибает в стычках?! Думаешь, мне хочется жить в вечном страхе за твою жизнь и гадать, вернешься ты сегодня живым или нет?!

Го Тайцун запыхтел, схватил кувшин и сделал несколько жадных глотков, чтобы сгоряча не ляпнуть чего не следовало.

Глядя на повздорившую пару, Тан Цзэмин заметил:

— Мянью-цзе* права. Не следует тебе туда лезть, Цун-гэ. Особенно сейчас, когда в Яотине орудует безумец. Не обязательно носить знак принадлежности к стражникам, чтобы защищать город, разве нет?

Го Тайцун сложил руки на груди и, поразмыслив над его словами, кивнул. Лю Синь усмехнулся и подлил всем вина, начиная обсуждать план действий.

В этот момент подкравшаяся сзади Ма Жуши поставила рядом с Тан Цзэмином стул. Вскрабкавшись на него, девочка поднялась над парнем и одной рукой схватила его за ухо, а второй сцапала танхулу, выкрикивая:

— Тан Цзэмин, когда я вырасту, я непременно побью тебя!

Сяо Вэнь приходил в себя урывками. Он открывал рот, когда просили, и глотал горький отвар, который скатывался по горлу тягучим потоком. Сильная боль раздирала голову, а виски сдавливало так, будто при каждом вдохе их сжимали раскаленные тиски. Страшно хотелось промочить горло, но воспоминания о воде нагоняли еще большую дурноту. В тот день Сяо Вэнь наглотался ее столько, что хватило бы на три жизни вперед. Озноб во всем теле не уходил даже в ворохе одежды, в которые его завернули. Хорошо хоть одежда была сухой, а комната — в меру прогретой, со скачущими по стенам бликами от горящих свечей.

* Цзе (姐) и гэ (哥) — приставки к имени для почтительного обращения к старшей сестре и старшему брату.

— Ты же лекарь!.. Как ты можешь простудиться... — ворчал кто-то рядом. — Твоя мастерская ломится от пилюль!

— Ненавижу их... они невкусные... — хрипло шепнул Сяо Вэнь, еле разлепив сухие губы.

Горькие пилюли из сборов редких дикорастущих трав всегда навевали на него уныние и вызывали тошноту, хотя сам он с завидным постоянством прописывал их всем пациентам. Что сказать: маленькие кругляши действительно были способны поставить больного на ноги в считанные часы, а если принять их заранее перед походом или холодами — что он и сделал перед горами Сюэ, раздав их всем спутникам, — то они не пропустят в тело ни одну заразу. Но пилюли были такими мерзкими на вкус, что Сяо Вэнь всегда предпочитал валяться с лихорадкой несколько дней, чем глотать эту гадость. Лю Синь, вспомнилось ему, перед восхождением на горы Сюэ жутко скривился и собирался выплюнуть пилюлю — и сделал бы это, если бы не Сяо Вэнь, уговоривший его проглотить лекарство. Лю Синь тяжело сглотнул только для того, чтобы разразиться гневной тирадой на убегающего от него лекаря.

Лю Синь... Сяо Вэнь почувствовал, как глаза обожгло под веками. Услышав его подавленный вздох, Чоу Лицзы спросил, добавляя несколько капель вытяжки шалфея в чашу с отваром:

— Еще что-то болит?

Сяо Вэнь посмотрел на него. Качнув головой, он зашипел от боли, снова прострелившей виски, и зажмурился. Воспоминания разом нахлынули на него. Последнее, что он помнил, — как корабль пробило снизу, отчего тот стремительно пошел ко дну. Когда судно перевернулось, Сяо Вэнь рухнул в воду и рванулся в сторону, чтобы оттащить какого-то мальчика от удара. Ребенка-то он спас — летящий обломок определенно убил бы его, а вот самому лекарю только немного рассек висок. Сяо Вэнь помнил, как солнце пробивалось сквозь толщу воды, под которой не было слышно криков, когда Чоу Лицзы звал его, судорожно озираясь и барахтаясь на поверхности. Он помнил тонкую струйку воздуха, уходящую вверх, а после — лишь стылую тьму.

Сяо Вэнь растерянно посмотрел на Чоу Лицзы:

— Прости... ты, должно быть, очень испугался в тот момент.

Он даже представить себе не мог, что чувствовал слепой парень, слыша отовсюду крики и рев огромного зверя. Барахтаясь в воде

и не зная, куда плыть в этом хаосе, — чудо, что Чоу Лицзы вообще спасся. Сяо Вэнь вдруг подумал, что если бы он сам оказался в такой ситуации, будучи незрячим, то этот день оставил бы на нем отпечаток не только телесный, но и душевный. В воду после этого он бы никогда не зашел.

— Ты в порядке? Не ранен? — спросил он Чоу Лицзы.

— Пара царапин. На мне все заживает как на собаке, — усмехнулся тот. Затем поставил чашу с отваром на столик и принялся промакивать бинты.

Понаблюдав некоторое время за его неторопливыми действиями, Сяо Вэнь виновато выдохнул:

— Это я потащил тебя в тот день на праздник. Прости, я и подумать не мог, что он выльется в нечто подобное.

— Как ты мог знать? — фыркнул Чоу Лицзы. — Разве такое предугадаешь?

И то верно. Огромная тварь, словно явившаяся из самой преисподней, вселила ужас даже в Сяо Вэня, который в жизни повидал монстров втрое больше этого. Но как бы то ни было, не сталкиваясь с демоническими существами уже более десяти лет, он отвык от борьбы с ними, поэтому был так же растерян, как и все вокруг. А вот Лю Синь, казалось, был собран как никогда. Командуя своими людьми, Сяо Вэнь видел, как тот отдает приказы, и поражался тому, что никогда ранее не видел друга таким. Пришедшая в голову мысль вдруг напомнила ему слова Ван Цзяня: «В этом парне недюжинные силы. Всего парой слов он заставил заткнуться даже командиров отрядов, в том числе и меня, а после помогал нашим солдатам таскать сооружение и рыть траншеи. Он хоть и кажется хиляком, но есть в нем что-то такое, что заставило нас подчиниться ему...»

Так Лю Синь и выглядел на поле боя в горах Сюэ: собранный, с четко поставленной речью и взглядом, преисполненным уверенности, который вселял в сердца людей не просто надежду, а осознание — они победят. Ван Цзянь также поведал, что только при помощи Лю Синя и его стратегии они смогли победить тогда. И даже его брат, хоть и не показывал этого, был восхищен Лю Сином в тот последний день.

Сяо Вэнь вдруг вскинулся, поняв, что до сих пор не знает, чем все закончилось. Повернув голову, он нервно просипел:

— Что произошло?! Что с Лю Сином и Тан Цзэмином?!

— Все с ними в порядке, — цыкнул Чоу Лицзы, закатывая глаза. — Спас тебя тогда... мальчишка Тан. — Вспомнив об этом, он недовольно нахмурился. — В тот день никто не погиб, да и ранены вроде бы не сильно, иначе тебя бы с того света уже достали, чтобы ты проявил чудеса своего целительства.

Чоу Лицзы нарочно принес его в свой дом, чтобы никто не беспокоил лекаря. Все присутствующие на празднестве были обеспеченными людьми, а в Яотине проживало полно целителей, пусть и брали они втридорога. Но отчего-то городская знать всегда пользовалась услугами Сяо Вэня. Еще утром, когда Чоу Лицзы направился в дом лекаря, чтобы взять для него лекарства и бинты, он наткнулся на толпу прислужников разных купцов, желающих вызвать Сяо Вэня для осмотра своих господ.

Рыкнув, Чоу Лицзы схватил за шкуру наглеца, заглядывающего в окно, и отшвырнул к остальным со словами:

— Если есть деньги, валите к демоновой матери за помощью к другим лекарям, а не околачивайтесь возле этого порога, зажавшиеся свиньи!

Сяо Вэнь облегченно выдохнул и опустился на мягкие подушки, чувствуя, как волнение за друзей утихает. Он хотел спросить, не приходил ли Лю Синь, но тут же осекся. Показывать свою заинтересованность и беспокойство за друга перед Чоу Лицзы было бы грубо — все-таки тот напал на слепца. К тому же Сяо Вэнь сам прогнал Лю Синя, указав ему на дверь и запретив переступить порог.

Лекарь положил ладонь на голову, слабо моргая и пытаясь унять мигрень, разыгравшуюся с новой силой. Чоу Лицзы отстранил его руку и тут же опустил на горячий лоб мокрую тряпицу, от которой приятно пахло чем-то свежим и успокаивающим. Словно чувствуя переживания Сяо Вэня за упомянутых друзей, Чоу Лицзы недовольно поджал губы, подумав: «Я — тот, кто заботится о тебе в данный момент! Почему ты даже не смотришь на меня?!» Он злился и негодовал, но, как бы ни хотел показать свою обиду, что-то не позволяло ему вызвериться в этот момент, когда нездоровый жар охватывал тело лекаря.

«И дернуло же его потянуться к тому мальцу! Неужели собственная жизнь для него ничего не стоит? Жертвовать собой ради спасения кого-то — какая нелепая глупость!» — рыкнул Чоу Лицзы про

себя. Сам слепец предпочитал не вспоминать события того дня и то, как заполошно билось его охваченное страхом сердце, пока он искал лекаря под водой и над ней. Если бы не «гребаный шкодливый пацан», вряд ли бы он нашел Сяо Вэня. Но Чоу Лицзы и не думал рассыпаться в благодарностях и даже мысленно только фыркать на всех. И на глупого лекаря, который бросился спасать ребенка; и на мальчишку Тан, который вытащил их из воды, хоть его и не просили об этом; и на гребаного святого Лю Синя, который владел мыслями лекаря даже в полубреду: Сяо Вэнь то и дело хрипло звал своего дражайшего друга.

Тьфу.

Чоу Лицзы с силой сжал тряпицу, собираясь сменить повязку на ладони лекаря, но ткань с треском разорвалась в его жестких руках.

Сяо Вэнь с улыбкой спросил:

— Что ты там ворчишь себе под нос все время?

Чоу Лицзы опустил голову, хмуря брови. Подняв слабую руку лекаря, он снял старую повязку, которую впопыхах соорудил из куска своего халата — просто рванул рукав, пока смотрел на истекающего кровью Сяо Вэня.

Ворчащий парень был удивительно обаятелен. Всегда смущающийся от похвалы или внимания, Чоу Лицзы сам не замечал, как тянулся к этим чувствам, и это нравилось Сяо Вэню в нем больше всего. Только он видел Чоу Лицзы кричащим и взбешенным, когда ему что-то было не по душе. И каждый раз лекарь испытывал особое удовольствие, когда слепец осекался посреди вспышки гнева, складывал руки на груди, а после смущенно кидал свое хмурое и еле внятное: «Прсти». Чоу Лицзы будто хотел выглядеть спокойным и доброжелательным человеком, но в его словах и жестах то и дело проскальзывали и грубость, и мрачность, словно он смущался настолько, что не знал, как иначе выразить свои чувства. Даже благодарность он выражал скупой, и весь его облик напоминал дикого зверя, который с трудом доверял окружающим, уже обманутый несколько раз злыми людьми. Сяо Вэнь считал, что они оба в чем-то похожи: он тоже старался иногда показывать себя не тем, кем был. Он знал, что может быть надоедливым или слишком болтливым и не всем это было по нраву, поэтому считал скрытность Чоу Лицзы чем-то родным и понятным. Однако не спешил говорить об этом, раскрываясь постепенно сам и подталкивая к этому друга.

Чоу Лицзы продолжал перебинтовывать раненую руку, когда Сяо Вэнь вдруг потянул его на себя и осторожно накрыл запястье ладонью, чтобы задержать на мгновение. Занавески на окне колыхнулись, и послышался тихий шорох хлопающих крыльев.

— Спасибо, Лицзы, — выдохнул Сяо Вэнь.

Лекарь улыбнулся, видя, как обычно отстраненные глаза парня вспыхивают живым блеском. Чоу Лицзы тут же выдернул ладонь и отвернулся, но Сяо Вэнь лишь рассмеялся в подушку, лежа на боку и довольно наблюдая за его растерянностью.

— Сам себе руки перевязывай, — буркнул Чоу Лицзы, не оборачиваясь.

Сяо Вэнь тихо хохотнул, перевернулся на бок и потянул его за руку.

— Не могу, я же болен, — жалобно простонал он. — Кто позаботится обо мне, кроме тебя?

Вот придурок!

Чоу Лицзы после этих слов пришел в еще большее смущение и отвернулся, будто пытаясь скрыть вспыхнувшую в глазах растерянность. Сяо Вэнь тихо и весело расхохотался. Его смех, достигший ушей Чоу Лицзы, осел где-то в груди.

— Вот дурносмех... — фыркнул он, позволяя себе короткую улыбку, и вновь посерьезнел: — Чего хохочешь? Ты едва не погиб.

— Потому и смеюсь, — чуть приподнял брови Сяо Вэнь, оглядывая лицо развернувшегося к нему Чоу Лицзы. — Когда еще смеяться, если не после того, как избежишь смерти? Другого шанса может и не быть.

Чоу Лицзы цыкнул и, закатив глаза, подхватил руку Сяо Вэня, чтобы продолжить перевязку. После он принес ему миску с горячим овощным супом, и лекарь поел, выпив следом чашу чая. А затем Чоу Лицзы осторожно опустился на постель и откинулся на спинку. Сам не зная почему, он притащил лекаря в свою теплую комнату и уложил на мягкую кровать, перед этим стащив с него мокрые тряпки и завернув его в покрывало.

«Куда его еще было нести? В комнату, по которой гулял сквозняк? Чтобы он еще больше заболел, а мне пришлось бы возиться? Еще чего», — думал Чоу Лицзы, вытягиваясь в струну и цепenea всем телом, когда лекарь вдруг потянулся к нему. Все-то у него было просто! Захотел — обнял. Захотел — приблизился, улыбнулся, рассмеялся, прикоснулся.

За окном на ветке магнолии сидел черный ворон. Мрачный и нахохлившийся, он вдруг заметил белую синицу, которая медленно подбиралась к нему, прыгая по ветвям. Синица придвинулась еще на полшага, так, словно опасалась спугнуть. Ворон будто не заметил: смотрел вперед, но кончик его крыла едва заметно дрогнул. Синица быстро перебрала к нему лапками, защебетав. И снова ворон отвернулся. Он мог улететь в любой миг, но почему-то все еще медлил.

Как же все так обернулось...

Услышав глубокий вздох Сяо Вэня, Чоу Лицзы рассеянно мотнул головой и случайно коснулся горячего лба. И в следующий миг почувствовал, как наконец расслабляется.

Сяо Вэнь тихо сказал:

— Как бы мне ни хотелось отказаться от пилюль, а пить их придется.

— Зачем?

— Мне нужно отправиться в управление стражников, чтобы сообщить о противоядии. Я нашел последний компонент яда, которым была отравлена судья-марионетка, напавшая на Дун Чжунши.

Глаза Чоу Лицзы, с пляшущими в них бликами, глядящие на стену, тут же сверкнули темным блеском, а уголок губ хищно пополз вверх.

— Если не хочешь пить лекарство, то не пей, — сказал он. — Я могу отнести сообщение в управление вместо тебя.

— Правда? — поразился Сяо Вэнь.

— Почему нет? Мы ведь вместе работали последние дни. Просто напиши письмо, и я доставлю его. Ни к чему рисковать здоровьем, лучше отдохни эти несколько дней.

Сяо Вэнь вдруг почувствовал тепло во всем теле. Уже давно никто так о нем не заботился, кутая в теплые ткани, убеждая выпить лекарство и позволяя отдохнуть. Его глаза немного увлажнились. Замешкавшись на мгновение, Сяо Вэнь вскинул благодарный взгляд и осторожно дотронулся до рукава.

Уловив движение, Чоу Лицзы опустил голову. Мягкое белое перо, подхваченное легким ветерком, скользнуло по чернильному камню.

Сяо Вэнь улыбнулся, заметив, как Чоу Лицзы вновь насторожился. Кончики его пальцев чуть дрогнули. Он словно приручал дикое животное, готовое вот-вот сорваться и умчаться прочь.

Сяо Вэнь задержал дыхание, неосознанно поглаживая ладонью край скомканной сатиновой материи. Перо продолжало кружить вокруг угля в свете огней.

Сквозь ветви магнолии пролился лунный свет и лег на двух птиц. Прижавшись к боку ворона, синица что-то тихо щебетала и терлась головой о его крыло, пока тот все пытался отвернуться от нее. Слово приручая эту дикую птицу, бойкая синица подпрыгнула к ворону ближе и ушипнула его за клюв.

Подняв глаза на Чоу Лицзы, Сяо Вэнь вздохнул и не отводил взгляда до тех пор, пока тот хрипло не спросил:

— Почему... ты это сделал?

— Когда, если не сейчас, делать то, что хочется? — еще ярче улыбнулся Сяо Вэнь и помолчал. — Что-то не так?

— Я не знаю, — не моргая, уставился на него Чоу Лицзы. То, что раньше вызывало у него лишь презрение, теперь совсем его не пугало. Тонкие красные нити вскружили голову настолько, что это подтолкнуло Чоу Лицзы в спину.

За окном стояла темная ночь. Пыль от чернильного камня на столе взметнулась вверх и закружилась вокруг мягкого белого пера. Тени на стене, отбрасываемые свечами, тесно переплелись и скользили вокруг друг друга в первобытном танце. Исходящий от них жар раскалил масляную лампу без свечи докрасна, кусающими ощущениями расплзаясь по хрупкому стеклу. Казалось, дотронься до него — и непременно обожжешь руку. В ночном воздухе слышался тихий смех, когда поток ветра влетел в окутанные полумраком покои. Кисть на столе с едва заметным шорохом покатилась и оказалась под тушечницей.

Сяо Вэню только и оставалось, что лежать в постели и слушать шорох, время от времени тихо вздыхая. Тушечница чуть дрогнула, пролив несколько капель на чистый лист.

«Как есть дикий неприрученный зверь», — подумал Сяо Вэнь и улыбнулся, глядя на кружащиеся блики на потолке, что складывались в причудливые фигуры. В следующее мгновение Чоу Лицзы заслонил этот вид своими мерцающими во тьме глазами, привлекая его внимание. Занавески на окне покачнулись, пропуская в покои новый поток теплого летнего воздуха. Внезапное головокружение накрыло волной, заставляя сделать тихий вдох. Чоу Лицзы упивался шелестом скользящего ночного ветра, который, подобно изысканному музыкальному инструменту, играл только для одного неискущенного слушателя.

Чоу Лицзы не мог сказать точно, сколько это длилось, — все случилось в водовороте, закружившем его с головой, пока в один момент

он не почувствовал влагу на кончиках пальцев. Запах железа, поплывший по комнате, заставил его отшатнуться.

Ярое чувство, что всю жизнь преобладало над Чоу Лицзы при одной только мысли о подобных ситуациях, едва не вывернуло его наизнанку. Отстранившись и ощущая теплую кровь на руке, Чоу Лицзы с силой зажмурился, пропустив мимо ушей встревоженный зов Сяо Вэня. Приподнявшись на ослабленных коленях, он взял бинты и вновь повернулся, стараясь дышать неглубоко.

Чуть позже, когда открывшаяся рана на голове Сяо Вэня была обработана, а сам он задремал, Чоу Лицзы долго сидел на краю постели, с силой сжимая в руках окровавленный бинт.

Ветхая дверь в небольшой дом приоткрылась когтистой лапой, и в следующий миг в проеме появилась рогатая голова. Оказавшись внутри, Байлинь оглянулся, а затем отворил дверь шире и втащил за ласту зеленую черепаху. Следя за слепцом все это время, они питались реже обычного, когда Байлинь летал в дом на улице Инхуа или утаскивал снесь с кухни своего человека, все еще тая обиду за пренебрежение. Проголодавшись этой ночью, они пошли на крайние меры, решив обокрасть объект своей слежки. Озираясь по сторонам, гарпия и черепаха двинулись по коридору, тихо шаркая панцирем и стуча когтями.

Вдруг Шуцзы приподнял голову, приняв себя, и бодро засеменял в сторону кухни. Цокая лапами, Байлинь поспешил за ним. Найдя там небольшой полупустой мешок с засушенными фруктами для чая, Шуцзы боднул его и опрокинул, издавая шорох, который потонул в тихом предостерегающем клекоте гарпии. Потроша мешок, они не заметили в углу комнаты пару хищно сверкнувших глаз. Тихо, словно тень, огромный зверь двинулся к ним.

Счастливо жуя сушеную грушу, Шуцзы развернулся и задрал голову. Ча, возвышаясь над черепахой, смотрел на нее мрачным взглядом, не предвещающим ничего хорошего, пока Шуцзы глазками-бусинками взирал на него, довольно пожевывая и словно не осознавая, на кого они наткнулись. Ча оскалился и приблизился, заинтересованно оглядывая добычу, готовый наконец полакомиться мясом, но зеленая

черепаха вдруг чихнула, выронив кусок фрукта и тем самым заставив зверя остановиться. Пес смотрел на маленькую зверушку несколько мгновений округлившимися глазами и вдруг припал ближе, обнюхивая ее и возбужденно виляя хвостом до тех пор, пока перед ним не возник Байлинь. Расправив огромные крылья, едва не заполонившие собой кухню, гарпия тихо заклекотала.

Ча выпрямился, скаля клыки, пока Байлинь выпячивал грудь, показывая, что тот не единственный боевой зверь в этой комнате. Яростный клекот, готовый вот-вот вырваться из клюва, прервался в зародыше, когда Ча приблизился к противнику и громко фыркнул прямо на него, отчего Байлинь плюхнулся на задницу. Ошеломленная гарпия уставилась на черного пса и его виляющий хвост. Вскочив, они закружили по комнате вокруг черепахи, которая, высунув язык, смотрела на двух зверей, подгребая к себе высыпавшиеся из мешка фрукты.

Пляска двух чжаньшоу длилась до тех пор, пока все трое не замерли, услышав шаги по коридору. Звук тихо прикрытой двери, ведущей к заднему двору, заставил зверей переглянуться и двинуться в ту же сторону.

Фигура Чоу Лицзы, выхваченная из ночной темноты лунным светом, одиноко стояла напротив уличного входа в подвал.

Три головы высунулись из-за угла, наблюдая за ним.

Окровавленная тряпица в его руке покачивалась на ветру, но оставалась крепко стиснутой в пальцах. Чоу Лицзы глубоко дышал, словно пытаясь решиться на что-то. Хмурясь, он долго перебарывал себя, чтобы заставить шагнуть в подвал. Его бледное лицо стало почти белым в ярком лунном свете, залившем задний двор. Лишь когда он прикусил губу до крови и собрался сделать шаг, то замер, чувствуя, как что-то оттаскивает его назад. Опустив голову, Чоу Лицзы пораженно уставился на Байлиня, дергающего за подол его халата. Птица скакала и клекотала, намертво вцепившись в темную ткань.

Опустившись на колено перед гарпией, Чоу Лицзы спросил:

— Глупая птица, чего тебе надо?

Байлинь пару раз взмахнул крыльями, не двигаясь с места и продолжая прожигать человека взглядом светлых медных глаз, так похожих на... Чоу Лицзы зажмурился, мотнув головой, и отвернулся, настолько крепко сжимая окровавленную ткань, что из нее выступили алые капли и разбились в тишине о дощатый настил. Почувствовав

жесткую шерсть под другой рукой, Чоу Лицзы повернул голову и встретился с черными глазами своего зверя.

— Хунча, — выдохнул он.

Впервые за долгое время растерянный и не знающий, как поступить, Чоу Лицзы едва смог найти в себе уверенность в собственных действиях и собирался привстать, чтобы спуститься в подвал, но вдруг замер.

— А ты еще кто? — вскинул он бровь, оглядывая панцирь, сияющий в темноте всеми оттенками изумруда. Шуцзы поднял голову и боднул его ногу, после чего схватил за черный шнурок сапога.

Чоу Лицзы застыл, переводя дыхание и чувствуя подкатывающий к горлу ком. Не в силах пошевелиться, он долго стоял отвернувшись от входа в подвал. Лишь с новым порывом ветра, принесшим из приоткрытого окна комнаты запах лекарственных трав, он глубоко вздохнул и пошел собираться, чтобы на рассвете отправиться в управление стражников.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

